

УДК 94(571.1)

ББК 63.3(253.3)521-283.4

Сельскохозяйственная деятельность мещан в городах Томской губернии в первой половине XIX в.

О.В. Меженина, С.Г. Щеглов

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Agricultural Activities of Burghers in the Tomsk Province in the First Half of the XIX Century

O.V. Mezhenina, S.G. Sheglov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Анализируется сельскохозяйственная деятельность мещан в городах Томской губернии Российской империи дореформенного периода. Последовательно рассмотрено ее разнообразие. Дана характеристика роли сельскохозяйственных занятий среди мещан не только Юго-Западной Сибири, но и России в целом. Раскрывается значение занятия сельским хозяйством в среде мещанского сословия в городах Юго-Западной Сибири, его распространение в городах Томской губернии в дореформенный период. Выделены такие вопросы, как земледелие и огородничество.

Дается подробное описание того, что и как выращивали мещане. Также затронута проблема права пользования городскими землями в Западной Сибири в дореформенный период. Утверждается, что земельные порядки внутри городских общин варьировались в различных местностях в зависимости от природных и экономических условий региона. Рассказано об особенностях распространения скотоводства мещан в разных городах Томской губернии, а также о тех проблемах, которые их подстерегали. Показано, что имелось неравномерное развитие данной деятельности по районам губернии, а эффективность деятельности зависела от климатических, географических и социально-экономических условий места проживания.

Ключевые слова: Сибирь, Томская губерния, город, мещане, сельское хозяйство, земледелие, скотоводство.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-24

Торговля и промышленность составляли незначительную долю в хозяйственной деятельности мещан Томской губернии. Основная масса мещан не имела определенных занятий и, чтобы как-то прокормиться, занималась сельским хозяйством и разного рода промыслами. О занятиях мещан можно сказать, что они занимались кое-чем, «лишь бы прожить кое-как: держат скот, сами для себя косят сено, а за-

The article analyzes the agricultural activity of burghers in the cities of the Tomsk province of the Russian Empire in the pre-reform period. Consistent review is given to its diversity. The author gives a description of the role of agricultural activities of the burghers, not only in South-West Siberia but in Russia as a whole. The article deals with the importance of agriculture for burghers in the cities of the South-West Siberia, their distribution in the city of the Tomsk province in the pre-reform period. The focus is made on issues such as agriculture and horticulture.

The detailed description is given to what the burghers grew and to their methods of growing. The paper also addresses the problem of the right to use urban land in Western Siberia in the pre-reform period. The authors state that the land order within urban communities varied in different areas depending on the natural and economic conditions of the region. The research is made of the features of the cattle breeding development in different cities of the Tomsk province, as well as the problems that lay in wait for burghers in this field. It is shown that there was uneven development of the activity of the provincial areas and the effectiveness of the activities depended on climatic, geographic and socio-economic conditions of the accommodation.

Key words: Siberia, Tomsk province, city, burghers, agriculture, farming, ranching.

тем, кто во что горазд, кто землю пашет, кто ямщину правит или с обозами ходит, а кому нечем жить, тот табак садит» [1, с. 68].

Цифровых данных относительно числа мещан-земледельцев представить невозможно, так как в этом направлении полностью отсутствуют какие-либо данные. Несмотря на это, очевидно, что в России многие мещане — земледельцы, об этом повествуют иссле-

дователи того периода: «это знает всякий, живший в провинциальных городах и присматривающийся к быту местного населения. Достаточно указать на тот факт, что многие губернские города и большинство уездных образовались из сел, слобод и посадов только волею начальства, пожелавшего устроить губернский или уездный центр, и существуют в качестве городов только потому, что в них находятся правительственные учреждения и учебные заведения, выселите чиновников, и завтра же эти города будут отличаться от сел только костюмами обывателей, да десятком других не деревенских зданий» [2, с. 2].

По утверждению Б.Н. Миронова, в дореформенной России многие из мещан для промысловых занятий выезжали из городов, а большая часть остающихся в городах занималась садоводством, огородничеством, хлебопашеством. Эти, казалось бы, второстепенные занятия мещан составляли во многих городах промысел более выгодный и наиболее распространенный [3, с. 39]. Так, третья часть ярославских мещан жила в селениях. Как писал В.В. Берви-Флеровский, мещане «тем сильнее разгоняются по селениям, чем более приплыва от крестьян к городам. В Нижегородской губернии, куда массы крестьян приходит для работ в городах, по селениям живет до пятнадцати процентов мещан; во Владимирской только 11%, а в Тверской менее 6%» [1, с. 146]. Хлебопашеством мещане «занимались также в Саратове (2432 мещанской семьи), в Самаре (230), Кичинево (5 часть мещанского населения 15 тыс. человек), в Тамбове (500 семей)» [4, с. 338]. Известный публицист XIX в. Я. Абрамов писал: «...значительная часть мещан находит заработки на фабриках и заводах, на пристанях и в торговых заведениях; ...известный процент мещан занимается во всех городах ремеслами; но большая часть... живет, главным образом, доходами от земледелия, занимаясь преимущественно культурой огородных растений: картофеля, капусты и др.» [2, с. 2].

Надо отметить, что занятие мещан земледелием было относительно распространено в целом по Сибири. В Таре в 1856 г. «главную массу населения составляли мещане (до 4000 душ)». Здесь «хлебная, овощная и мясная торговля почти совсем неизвестна; кроме мещан и крестьян городских, сеющих хлеб всякого рода в количестве, достаточном не только для прокормления семьи, но и для продажи» [5, с. 36]. В Восточной Сибири мещане, живущие в малых городах, «ничем не отличались по роду своих занятий от роду сельского... В большинстве... главным занятием мещан было земледелие» [6, с. 58–59]. В Илимске в 1778 г. большая часть посадских проживала в деревнях, ведя небольшое крестьянское хозяйство или работая по найму [7, с. 279–280]. Мещане Красноярска в большинстве своем также занимались хлебопашеством, жили «в отдаленных от города селениях» и пользовались кре-

стьянскими землями. Сенат в 1805 г. даже приказал переселить их в города, но это требование не было выполнено, так как было «равносильно совершенному разорению большого числа плательщиков» [8, с. 12].

Современники свидетельствовали о значительной роли сельскохозяйственных занятий в жизни мещан Томской губернии. Так, Н. Костров писал, что «сельские промыслы» были основным занятием для большинства жителей Колывани, Нарыма, Кузнецка, Бийска и Каинска [9, с. 15, 18, 50, 57, 67]. Многие домохозяева сеяли гречу, горох, ячмень, пшеницу, просо и пр. Земледелие было развито в небольших городах, особенно этим отличался Бийск с его плодородными почвами, благоприятными для посева пшеницы и других злаков. Современник так описывал данный город: он «находится в самом хлебородном краю, и как притом еще имеет весьма хорошее скотоводство... всегда изобилует необыкновенно против других городов дешевизною жизненных припасов» [10, с. 267]. Тем не менее земледельческая деятельность для мещан не являлась основным занятием, а была развита в основном только в виде подсобного хозяйства. Так, по свидетельству Н.А. Кострова, в Бийске в дореформенный период мещане занимались хлебопашеством, скотоводством и рыболовством, «преимущественно для своего пропитания» [11, с. 34].

Экономической основой Кузнецка стало также сельское хозяйство, в первую очередь из-за отсутствия здесь горнозаводского производства. Кроме того, Кузнецк находился в стороне от торговых путей. Здесь занимались ремеслом, но доход от него был настолько «скуден», что его приходилось дополнять сельским хозяйством [12, с. 197]. В Каинске и Нарыме из-за тяжелых природных условий земледелие развивалось слабо. Однако, мещане в Нарыме все же сеяли рожь, ячмень, овес и ярицу. Некоторые даже выращивали пшеницу и в отдельные годы собирали неплохой урожай. Так, А.Ф. Плотников подчеркивает, что в 1825 г. урожаем пшеницы составил сам 7, а в 1831 г. — сам 8 [13, с. 28]. Надо полагать, что эти показатели все же значительно завышены, так как в среднем как по Сибири, так и по России в целом урожайность составляла не более сам 3 — сам 4 [14, с. 66].

На мещан Томской губернии в дореформенный период лежали заботы о городском благоустройстве, и поэтому им принадлежали все права, которые давало звание члена городского общества. Из этих прав самым реальным было право пользования городскими землями. Большая часть земли находилась в непосредственном пользовании у самих горожан на общинных началах, и только земли, оказавшиеся лишними или неудобными для горожан, отдавались в аренду.

Надо отметить, что земельные порядки внутри городских общин варьировались в различных местностях в зависимости от природных и экономических

условий региона. Земли и угодья в городах Томской губернии распределялись следующим образом: выгон, пахотная земля, огороды, сенокосы, лес. В некоторых городах Центральной России к этому списку добавляли «камышы» и «дальние участки». Так, в Ставрополье-Кавказском камыши делились между мещанами по определенному сценарию: в назначенный день к озеру съезжались все мещане, желающие принять участие в дележке, и по знаку мещанского старосты начинали жать камыши, каждому доставалось то, что он успевал нажать. Имея «даровой» камыш, мещане избавлялись от расходов по починке крыш домов и дворовых построек, которые у большинства ставропольских мещан крыты камышом. В «дальние участки» входили земли, удаленные от города на 10, 12, 15 и более верст, пользоваться которыми для большинства жителей было неудобно из-за отдаленности, отдавались в аренду скотопромышленникам под выпас скота [2, с. 4,6].

В Томске пахотной землей пользовались преимущественно мещане. Право на надел имел любой мещанин, платящий казенные налоги и подати, причем количество отводимой земли зависело от числа ревизских душ, которые числились в его семье, за которые он платил подать. Отведенная семье земля оставалась в ее пользовании до новой ревизии, когда производился общий передел земли. Для сравнения: в Центральной России пахотной земли отводилось от $\frac{3}{8}$ до $\frac{1}{2}$ десятины на ревизскую душу, что составляет в среднем немногим более одной десятины на семью [2, с. 4].

Некоторые городские семьи сочетали занятие хлебопашеством с промыслами и торговлей, эксплуатируя при этом труд дворовых и наемных работников. Многие мещане вели промысловое хозяйство или кормились за счет ремесла и торговли, не отказываясь при этом от содержания нескольких голов домашнего скота и обработки небольших земельных участков. В редких случаях земледелие становилось для них предпринимательским хозяйством, когда продукты сельского хозяйства превращались в товары, предназначенные для продажи.

В больших городах мещане практически не занимались земледелием. Основное отличие городских мещан от сельских заключалось в различной степени занятости пашней. Так, в регистре о проживающих в селениях Колывано-Воскресенского горного ведомства мещанам описывается семейное состояние барнаульского мещанина Павла Петровича Шаньгина, который проживал в Бурминской волости и занимался «хлебопашеством». Он имел в собственности 5 десятин для посева и 3 десятины «для сенокосения» [15, л. 131]. Кроме того, те сельские мещане, которые занимались «хлебопашеством», всячески пытались уклониться от переезда в город, «дабы не потерпеть разорения». Например, томский мещанин Роман Сеченов

в 1818 г. посылал прошения в ведомство Колывано-Воскресенского горного начальства, в котором писал следующее: «жительствоет он в Кулундинской волости в деревне Молоковой более 20 лет и обзавелся домоводством, имеет скотоводство и производит хлебопашество...» [16, л. 29–30].

Таким образом, в пореформенный период на территории Юго-Западной Сибири мещане занимались хлебопашеством. Но это занятие составляло для них в основном подсобный промысел. Особенно это было характерно для сельских жителей. Мещане, проживающие в городах Томской губернии (особенно относительно крупных — Томск, Барнаул), просто не имели достаточно земли для посева зерновых [17, л. 147].

Часть мещан в Томской губернии содержала подсобное хозяйство: скотоводство и огородничество. Так, в Томске в 1845 г. числилось 1034 частных огорода, на которых выращивали свойственные климату овощи. На своих огородах выращивали в основном картошку и другие овощи. Каждая мещанская семья имела достаточное количество картофеля для прокормления. Иногда мещане возили овощи в села и меняли там эти продукты на хлеб. Кроме того, огромное количество картофеля, капусты и других овощей продавалось ими привилегированным жителям города за деньги. Так, на томском рынке больше половины торговцев, продающих овощи, были мещанки [18, с. 41]. До 200 владельцев получали от их продажи доход, «который определить можно, в сложности, в 15 руб. сер. с огорода, а всего — в 3000 руб. сер.» [19, с. 212]. Таким образом, этим промыслом занимались небогатые мещане.

Огородничеством мещане занимались во всех городах Томской губернии. В дореформенный период в Нарыме все мещане держали огороды, но огородничество стояло здесь на низкой степени развития. Им занимались только женщины и «весьма нерадиво», хотя большая часть овощей «родится хорошо, именно: картофель, капуста, морковь, свекла, редька, лук, репа, огурцы, тыква, брюква, хрен, чеснок, арбузы, дыни, горох, бобы, укроп, петрушка, мак, табак» [20, с. 379]. Урожай картофеля здесь был обильный. По описаниям современника, в Нарыме «распоряжением правительства, были розданы крестьянам чрез волостные правления, картофельные семена, от которых некоторые развели прекрасную картофель; но собственно мещане, по невниманию к огородничеству вообще, не воспользовались этим благодеянием».

Капуста обыкновенная росла хорошо на влажной и черноземной земле, но при уходе и поливке росла и на песчаной. «Ее часто портят различные букашки, червяки и другие насекомые; но против них принимаются меры: поливают гряды смоляною водою, водою настоянною табаком...». Капусту обыкновенно сеяли в рассадники в конце мая, а после пересаживали в гряды. Морковь хорошо вырастала на черно-

земе. Свекла «не всегда рождается, ... с ней происходит то же, что и с капустой. Она требует землю черноземную и осторожную рассадку в июне месяце, когда не бывает утренников; в противном случае не вырастает» [20, с. 379].

Редька росла «превосходно», особенно если была посажена на «сильной» земле, она не требовала никакого ухода, кроме прополки. То же можно сказать о луке и репе. Огурцы не всегда родились обильно. Тыквы, дыни и арбузы сажали так же, как и огурцы, в уваженных грядках. Мещане Нарыма выращивали на своих огородах также брюкву и репу, которые хорошо росли на черноземе. Хрен сажали и в огородах, но, по словам очевидцев, он обильно рос по берегам Оби и других рек. Копали его весной и осенью. Чеснок в огородах не сеяли, его заменяли диким или черемшой. Черемша росла в изобилии, ее готовили в прок солением. Горох, бобы (русские и турецкие), петрушка и укроп вырастали также хорошо, но их сажали в небольшом количестве.

По свидетельству И. Завалишина, барнаульские мещане выращивали табак «высших сортов» и производили из него сигары и папиросы, имеющие сбыт на заводе [21, с. 32, 261]. Нарымские мещане также разводили на своих приусадебных участках табак («линейный»), «пытались сажать в гряды, но он не созревал». Попытки делались в Парабельской волости: «впрочем, если бы эти гряды приготовить из навозу, как для огурцов, может быть результат был бы более благоприятный; к сожалению, таких попыток не делалось» [20, с. 379]. Часть мещан сеяла коноплю и лен «для домашнего употребления». Конопля шла на нитки, а лен использовали для изготовления домашнего белья и мешков [13, с. 283].

Разводили мещане домашних птиц. Например, в Нарыме «количество домашних птиц невелико и породы не разнообразны: куры, гуси, утки — и только. Последние водятся очень хорошо; гуси дурно. Некоторые из купцов заводили индеек, но без большого успеха» [20, с. 379]. Но и домашних птиц подстерегали несчастья в виде болезней. Так, куры часто «дохли от типуна, опухоли головы и чохотки» [13, с. 300].

Скотоводство было одним из основных источников пропитания для мещан. На заседаниях мещанского собрания жители ежегодно избирали табунщика. Вопросы «пастбы скота», как правило, были одними из самых распространенных в мещанской среде [22, л. 2]. За пользование выгоном мещанский староста собирал повинности с членов общества. Иногда в Томске жители отдельных частей города нанимали пастуха, и таким образом, образовывалось несколько стад.

Для содержания скота мещане ежегодно арендовали у городских властей места для покосов [23, л. 1–16]. Ежегодно мещане выплачивали взносы за пользование сенокосными лугами. Так, в 1814–

1818 гг. в Томске 131 мещанин состоял в списке владельцев сенокосными лугами [24, с. 1–22].

Мещане могли покупать землю под покосы. Например, в 1813 г. было взыскано с томского мещанина за покосы, купленные им купца в кредит. Сохранилась сама расписка, которой мещанин объяснял: «на истребованные с меня денег 26 рублей за сенокосные места купленные в прошлом году 1812 г. все сполна отдано купцу, у которого купил» [25, л. 5]. По воспоминаниям И.С. Конохова, «до 1800 г. жители Кузнецка владели сенокосами и лугами наследственно, по прежним владениям своих предков, без всякой платы, а в 1800 г. городской выгон был положен на план землемером Дмитриеным, и с того года сенокосные луга у жителей были отобраны и начали ежегодно продаваться аукционным порядком для снятия травы, а деньги поступать в градской доход» [26, с. 57].

Скот держали почти все мещане, причем живущие не только в селениях, но и в городе. Скотоводство среди мещан особенно было распространено в малых городах (Кузнецк, Бийск, Каинск, Нарым). Обзаведение скотом поощрялось и всячески поддерживалось местными властями, потому что плата мещан за покосы была одной из частей дохода городской казны. При причислении в мещане поселенцы объявляли наличие скота, в случае его отсутствия обязывались обзаводиться им [27, л. 23]. Так, в списке томских мещан, причислившись из поселенцев, в 1816 г. из 33 человек не имел своего скота 21 человек. Остальные мещане в разной мере содержали скот, в основном это были лошади и крупный рогатый скот, реже свиньи. Многие из мещан в этом списке, помимо скотоводства, занимались каким-либо ремеслом. Вот некоторые из них: мещанин Матвей Иванович Власов держал трех лошадей и двух коров, при этом занимался шорным, медным ремеслом, заготовкой дров, саней и проч.; мещанин Иван Васильевич Крючков держал по одной лошади, корове, свиньи, ремесла не имел, занимался в балагане мелочною торговлей; мещанин Петр Иванович Бурченков держал одну лошадь, две коровы, занимался малярным ремеслом; мещанин Иван Иванович Мачалов держал двух лошадей, двух коров и занимался «вмазыванием стекол в окончины и переплетом разным книг и оклейкою оных» и т. д.

Некоторые мещане непосредственно были заняты скотоводством. Так, мещанин Тимофей Яковлевич Зыков, имея две коровы и трех лошадей, занимался маркитанством [27, л. 21–27]. Мещане, у которых не было скота, пытались как-нибудь объяснить его отсутствие. Например, в записи о мещанине Иване Леонтьеве значится следующее: скота нет, «а хотя имею, но коровы теряются». Таким образом, мещане содержали скот, но в незначительном количестве, исключительно для собственного пропитания.

Скотоводство обеспечивало мещанскую семью на год мясом, молоком, салом, жиром, шкурами и т. д.

Эти продукты шли в пищу как самой семье, так и продавались чиновничьей части городского населения, составляя, таким образом, значительное подспорье в мещанских доходах.

Уровень развития скотоводства был разным в городах Томской губернии. Наиболее развитыми в этом отношении был Алтайский район, особенно Бийск. В Томском районе уровень скотоводства уступал Алтайскому району. Наименее эффективным этот промысел был в Нарыме. По замечанию А.Ф. Плотникова, «разведение скота в Нарымском крае, как сам промысел, имеет малое значение, потому что продукты скотоводства не имеют здесь сбыта и более идут на собственное потребление» [13, с. 297]. Мещане в Нарыме держали как рогатый скот, так и лошадей, свиней, но они слишком мало заботились о животных. Порода скота была «низкая», простая и мелкая. Кормили его крупным плохим сеном и не докармливали, так что он в продолжении 8 месяцев бывает изнурен голодом и морозами. Дойные коровы в летнее время паслись без пастухов, а чтобы приманить их для доения, оставляли телят дома и позволяли им сосать коров более года, так что и теленок пользовался молоком, и хозяйка, а потому польза, приносимая скотом, была ничтожна. От лучшей коровы получали в сутки более двух стаканов молока, «скопов молочных вовсе не бывает», и даже лучшие хозяева покупали масло в Томске. По утверждению современника, мещане Нарыма заботились только об увеличении количества скота, а вовсе не о его качестве. И действительно, скота много у нарымцев: у некоторых от 20 до 70 голов, так «что средним числом придется от 15 до 20 голов крупного скота на хозяйство; но толку в нем мало» [20, с. 367–377]. О «маломолочности» русской породы рогатого скота писал П.М. Головачев. По его мнению, это «результат плохого ухода... и недостатком охраны его от зимних холодов. При лучшем уходе сразу же повышается удой...» [28, с. 44–45]. Надо отметить, что во всей Томской губернии в течение дореформенного периода рогатый скот страдал от периодических эпизоотий. От чумы погибало значительное количество скота, причем не только в Томском районе, но и в Алтайском. П.А. Голубев отмечал, что «чума занимает селения, расположенные на пути и поблизости проезжих дорог, служащих для перевозки на ярмарки так называемых жировых товаров, преимущественно кожи и сала» [29, с. 76]. Страдал скот и от других болезней: «язвы на языке и на копытах», «всяких воспалений», «одутлости живота» и др. [30, л. 23–32]. Местные власти были обеспокоены этими «несчастиями», так как павальные смерти рогатого скота у населения приводили к нехватке продовольствия. Поэтому они всячески старались оповещать население о «мерах предохранения от эпизоотий и других болезней».

Нарымские овцы были простой русской породы, малорослы и с грубой шерстью. Число овец значительно — от 15 до 20 на семейство. Ухода за ними

почти никакого не было. Летом они паслись без пастухов, поэтому иногда становились жертвами хищников, но подобные случаи не «вразумляли» хозяев.

Свиней держали немногие, «в небрежении, как и рогатый скот, блуждающий целое лето по сараям без присмотра» [20, с. 367–377]. А.Ф. Плотников писал, что «в конце 1700-х гг. и в начале 1800-х гг. свиней было так мало, что на 5 дворов не приходилось и по 1 штуке...», были они «худые, малые, весом от ½ до 2 пуд... щетина у них сама выпадает, вред наносят хищные звери и часто посещаемая Нарымский край эпизоотия «сибирская язва», другие случайности — вроде гибели скота во время разлигия рек и проч.» [13, с. 300].

Наличие лошадей служило для мещан необходимым транспортным средством и позволяло заниматься разного рода занятиями. Имея лошадь, мещанин мог в течение зимы заниматься извозом, доставлять дрова в город из лесов, рыбачить на Оби, заниматься маркитанством. Так, барнаульский мещанин Василий Сергеевич Степанов имел в собственности 21 лошадь и сани, на которых обязывался «доставить из Ирбита в Барнаул купленные казенные припасы» [31, л. 21].

Эффективность от разведения лошадей в разных городах и районах Юго-Западной Сибири была неодинаковой. Например, томские лошади более крупные, поэтому пригодны для тяжелого извоза и земледельческой работы [32, с. 240]. В Кузнецке мещане имели громадные покосы и держали лошадей в большом количестве [33, с. 255]. В Нарыме лошади, как и рогатый скот, были мелки и некрасивы. Но «нерадение и невнимание хозяев до того закалили их во всевозможных нуждах и лишениях, что целую зиму они не знали ни дворов, ни хозяйского сена, довольствуясь клочками сена, случайно падающего с воза или сенника, не боялись ни голоду, ни холоду, ни усталости... крепостию своею приобрели почетную известность на местных рынках». Например, нарымские мещане и крестьяне, которые каждую зиму подражались перевозить из Нарыма в Томск рыбу, и в течении зимы совершали по две и по три таких поездки, лошадей своих, кроме сена, ничем не кормили. Они могли проехать на «порядочной» лошади рысью пятьдесят, сто и более верст, не кормя, что считалось «весьма обыкновенным» делом. Нарымские лошади весьма охотно покупались предпринимателями Восточной Сибири для приисковых работ. Цены за хорошую лошадь колебались от 25 до 35 руб. сер. По свидетельству А.Ф. Плотникова, лошадь «нарымка» вынослива и известна по всей Восточной и Западной Сибири [13, с. 296]. Количество лошадей, которых содержали мещане, не уступало рогатому скоту.

Сказанное позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, занятия мещан Юго-Западной Сибири в целом не отличались от хозяйственной деятельности мещан других сибирских регионов. Во-вторых, они «не были однородны» в своих занятиях. Многие

мещане южных районов Томской губернии были заняты в сельском хозяйстве. Мещане южных городов (Бийска, Колывани, Кузнецка и др.) иногда занимались хлебопашеством, в основном для своего продовольствия. Мещане Барнаула, Кузнецка, Томска занимались животноводством («маркитанством»), которое заключалось в закупке скота в «Киргизской степи» или в Бийске и последующей продаже его в городах.

Таким образом, необходимо отметить, что хозяйственная деятельность мещан в Юго-Западной Си-

бири существенно зависела от экономического и административного развития городов Томской губернии, а также и от географических и климатических условий региона. Это во многом отличало и одновременно сближало мещан Сибири с мещанством всей России, где также была заметна значительная разносторонность занятий данного социального слоя. Везде мещане занимались столь разнообразной деятельностью, что подробно проследить за ними не было возможности, особенно это касалось больших городов.

Библиографический список

1. Берви-Флеровский В.В. Положение рабочего класса в России. — М., 1938.
2. Абрамов Я. Мещане и «город» // Отечественные записки. — 1883. — № 3.
3. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. — Л., 1990.
4. Дитятин И. Устройство и управление городов России. Т. 2: Городское самоуправление в настоящем состоянии. — Ярославль, 1877.
5. Журнал Министерства внутренних дел (Журнал МВД). — 1856. — Ч. 20.
6. Замечания золотопромышленника В.Д. Скарятина. — СПб., 1862. — Ч. 1.
7. Любимиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. — М., 1947.
8. Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. — СПб., 1889. — Ч. 1.
9. Костров Н.А. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. — Томск, 1872.
10. Заметки о городах Томской губернии // Журнал МВД. — 1848. — Ч. 22.
11. Костров Н.А. Города Томской губернии в 1804 и 1805 годах // Томские губернские ведомости. — 1869. № 43. — 31 окт.
12. Кабо Р.М. Города Западной Сибири: Очерки историко-экономической географии (XVIII — первая половина XIX вв.). — М., 1949.
13. Плотников А.Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда Томской губернии) : историко-статистический очерк. — СПб., 1901.
14. Пайпс Р. Россия при старом режиме. — М., 1993.
15. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). — Ф. 113. — Оп. 1. — Д. 1.
16. Государственный архив Томской области (ГАТО). — Ф. 127. — Оп. 1. — Д. 1028.
17. ГАТО. — Ф. 127. — Оп. 1. — Д. 266.
18. Очерки города Томска // Томские губернские ведомости. — 1859. — № 6.
19. Статистическое описание главных городов Западной Сибири. Томск // Журнал МВД. — 1852. — Ч. 39.
20. Промышленность нарымских мещан // Томские губернские ведомости. — 1859. — № 46.
21. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. — М., 1862. — Т. 1.
22. ГАТО. — Ф. 333. — Оп. 1. — Д. 21.
23. ГАТО. — Ф. 127. — Оп. 1. — Д. 204.
24. ГАТО. — Ф. 127. — Оп. 1. — Д. 802.
25. ГАТО. — Ф. 127. — Оп. 1. — Д. 759.
26. Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. — Новокузнецк, 1996.
27. ГАТО. — Ф. 127. — Оп. 1. — Д. 934.
28. Головачев П.М. Экономическая география Сибири. — М., 1914.
29. Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. — Томск, 1890.
30. ГАНО. — Ф. 78. — Оп. 1. — Д. 44.
31. Центральное хранилище архивного фонда Алтайского края. — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 2864.
32. Головачев П.М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. — М., 1902.
33. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. — СПб., 1892.